

Поработав с Нань Чуцин всего три дня, Чжао Цзянсюэ чувствовала, что умирает.

Кто сказал, что это непыльная работа? Да они просто пахали как проклятые! Весь день уходил либо на встречи с клиентами, либо на дорогу к ним, либо на совещания, либо на спешку к месту их проведения. Вечером после работы она открыла Вэйсинь и увидела, что количество шагов перевалило за двадцать тысяч.

Отдыхать после смены тоже было нельзя — требовалось провести разбор полётов, всё упорядочить, составить план на завтра и подготовить предстоящие дела. К тому времени, как она действительно заканчивала работать, было уже около полуночи.

На следующий день приходилось вставать в половине седьмого. Ровно в семь Нань Чуцин спускалась сверху, и Чжао Цзянсюэ, даже не успев позавтракать, должна была вручить ей план сегодняшней работы. Дождавшись, пока та его просмотрит, она отвозила её на машине, по пути докладывая о дальнейших рабочих задачах. Нань Чуцин же сидела на заднем сиденье и, слушая доклад, одновременно просматривала ноутбук.

Обычно дела можно было изложить в двух-трех предложениях, после чего Чжао Цзянсюэ могла спокойно вести машину. По прибытии в компанию Нань Чуцин направлялась в свой кабинет, а Чжао Цзянсюэ тут же шла покупать ей кофе. Нань Чуцин пила только ледяной американо, и Чжао Цзянсюэ считала, что это сильно упрощает дело.

Воспользовавшись перерывом на покупку кофе, она покупала себе паровой пирожок на завтрак. Позавтракав и забрав кофе, она относила его прямо в кабинет начальнице, после чего у Чжао Цзянсюэ оставалось чуть больше получаса свободного времени, чтобы посидеть снаружи и немного вздремнуть.

С половины девятого сотрудники начинали понемногу подтягиваться на работу. У Нань Чуцин было три административных ассистента: один мужчина и две женщины.

Только Чжао Цзянсюэ совмещала эту должность с обязанностями личного помощника: она сопровождала начальницу на светских приемах и деловых обедах, водила её машину и ездила с ней в командировки. И только у Чжао Цзянсюэ была самая тяжелая работа; временами она думала, не самая ли у неё высокая зарплата, но подходящей возможности вывести это пока не представилась.

В первый же рабочий день Чжао Цзянсюэ сошлась с коллегами. Мужчину-ассистента звали Чжао Хуни, но все звали его просто старик Хун, а другую помощницу, очень милую девушку, все звали Доудоу.

У Чжао Цзянсюэ тоже было прозвище, но в компании она о нём никому не говорила. Каждый раз она приходила на работу первой, а когда появлялись старик Хун и Доудоу, они втроем собирались вместе, чтобы поупражняться в злословии в адрес начальницы.

Старик Хун работал ассистентом дольше всех, но и он не пробыл здесь и полугода. Доудоу устроилась на месяц раньше Чжао Цзянсюэ, и тем не менее их жалобы на босса были поразительно единодушными.

— Психичка!

Они оба сходились во мнении, что человек, способный проработать под началом Нань Чуцин больше года, преуспеет в абсолютно любом деле!

— Никогда не видел таких людей, — рассказывал старик Хун. — Как-то раз я сопровождал её на вечере. Вы даже не представляете, как мило она с кем-то болтала: сияющая, с улыбкой на лице, вся прямо цвела и пахла. Но стоило ей повернуться — без преувеличения, всего один поворот головы — и лицо мгновенно каменело! А как только кто-нибудь снова приближался, она опять расцветала во всей красе. Ужас какой-то! Никакая смена масок в сычуаньской оперной песне не сравнится с её скоростью!

— Да разве это что-то значит! — подхватывала Доудоу. — Недавно я обедала вместе с ней, и она вдруг спрашивает: вкусно? Задала этот единственный вопрос и уставилась на тебя в упор, словно ты задолжала ей сотни тысяч. Будто ты сидишь перед ней и тратишь её деньги на еду — вот так просверливала взглядом.

Доудоу изобразила гримасу недовольства, чем рассмешила всех присутствующих.

— Она не умеет хмуриться, — тихо произносила Чжао Цзянсюэ. Взгляд у Нань Чуцин был чистым, под стать её внешности — в нём не было ни злого умысла, ни жадности.

Но вслух этого она, конечно, не говорила.

Доудоу отмахивалась:

— Всё дело в том, что я подумала: раз уж босс задала вопрос, надо ведь ответить, верно? И сказала ей: очень вкусно. И что в итоге? Она даже головы в знак согласия не кивнула, с каменным лицом продолжила есть.

— Психичка! — повторял старик Хун.

— Во-во! И я считаю, что она ненормальная, — соглашалась Доудоу.

...

В свободные минуты они постоянно яростно костерили начальницу, но в конечном счете всё сводилось к тому, что в Нань Чуцин было слишком много «необычного».

Чжао Цзянсюэ устроилась недавно: хотя ей и хотелось наладить хорошие отношения с коллегами, она боялась давать повод для сплетен, а потому, не считая дежурных поддакиваний, особо на Нань Чуцин не наговаривала.

Впрочем, это ничуть не мешало ей самой считать, что у Нань Чуцин не все дома.

В то же время она глубоко осознавала, что из неё самой никогда не выйдет толкового босса. Если жизнь должна протекать так же, как у Нань Чуцин, то какой в ней вообще смысл? Открыла глаза — паши, закрыла — спи, и ни единой свободной минуты на развлечения за весь день. Ужасно утомительно.

День за днем, неделя за неделей — и вот, наконец, наступила пятница. Словно чудо какое-то, Нань Чуцин ушла с работы пораньше, да ещё и не потребовала, чтобы Чжао Цзянсюэ её отвозила. У самой Чжао Цзянсюэ тоже появилось свободное время на вечер. Она заглянула в планер: ни в субботу, ни в воскресенье никаких дел не предвиделось.

Прекрасно, выходные!

Вернувшись домой, она рухнула на кровать и заснула. Проснувшись, она обнаружила, что за

окном уже непроглядно темно. Проверив телефон, она увидела, что время перевалило за десять вечера. Ужин она пропустила, и теперь предстояло решить: заказать доставку или приготовить что-нибудь самой.

Поразмыслив как следует, она всё же решила сварганить себе поесть собственными силами. В такой час оставалось только гадать, вернулась ли уже начальница домой.

Чжао Цзянсюэ отворила дверь комнаты и вышла наружу. В коридоре было сумрачно, луны не висело, в гостиной свет не горел, из-за чего царил глубокий полумрак. Идя по квартире, Чжао Цзянсюэ с облегчением вздохнула: к счастью, босс ещё не объявилась, так что она вполне сможет спокойно позаимствовать кухню, чтобы перекусить. Она как раз размышляла об этом, как вдруг испугалась какой-то груды вещей в гостиной. Из-за того, что они были черными на фоне контрового света, ничего толком не разобрать, и с первого взгляда это походило на призрака, так что Чжао Цзянсюэ аж подпрыгнула.

Она медленно двинулась вперед, не сводя глаз с той жуткой массы на диване, и вдруг та шевельнулась! Чжао Цзянсюэ не удержалась и взвизгнула:

— А!

Практически одновременно с этим раздался пронзительный воприк и от существа на диване. Похоже, обитатель дивана совершенно не ожидал, что сзади кто-то есть, и, услышав крик, от испуга резко дернулся и в паре перепуга завопил.

Чжао Цзянсюэ в тот же миг узнала голос хозяйки, и ей стало даже немного смешно: сидеть здесь посреди ночи без света — у этой женщины вообще все дома?

С отчетливым щелчком зажглась напольная лампа рядом с диваном. Нань Чуцин все еще не оправилась от испуга, глядя на Чжао Цзянсюэ, в то время как та едва сдерживала улыбку. Выражение лица Нань Чуцин помрачнело.

Почему она все еще здесь?

Нань Чуцин с неприязнью зыркнула на нее, и этот взгляд почему-то показался Чжао Цзянсюэ забавным.

Та никогда раньше не делала подобных выражений лица.

— Босс, вы вернулись, — немного успокоившись, произнесла Чжао Цзянсюэ.

Нань Чуцин на секунду замерла: ее голос звучал лениво и непринужденно, словно та только что проснулась.

Уже очень давно никто не разговаривал с ней в таком тоне.

И никто не задавал ей подобных вопросов.

За эти несколько дней совместной жизни Нань Чуцин уже полностью раскусила ее подноготную: эта девчонка точно не могла быть засланной бабушкой. Она не умела делать даже самые элементарные вещи, которые положено выполнять помощнику, — всему приходилось учиться у коллег. Про быт и говорить нечего: за все эти дни не было ни одного завтрака; на обед та либо заказывала доставку, либо выбирала ресторан — иначе просто умерла бы с голоду, с ужином дела обстояли точно так же!

Нань Чуцин была крайне недовольна ею и даже подумывала о том, чтобы ее уволить. Но та так старалась и постепенно становилась более надежной, а иногда умудрялась еще и приятно удивлять Нань Чуцин, что та так и не решилась ее уволить.

Как, например, сегодня вечером.

Нань Чуцин абсолютно не ожидала, что дома окажется еще кто-то.

— ...Мм, — негромко отозвалась она. Немного придя в себя, она провела рукой по волосам, словно расческой, зачесывая растрепанные пряди назад.

Эх... — мысленно вздохнула она. Подняв взгляд, она как раз встретилась с сияющими глазами крольчонка.

— Что такое? — сорвалось с губ Нань Чуцин.

— А, ничего, — Чжао Цзянсюэ отвела глаза. Как ни крути, но при всей своей вредности Нань Чуцин обладала невероятным очарованием — одно лишь простое движение, которым она поправляла волосы, заставляло замереть от восхищения.

Нань Чуцин заметила ее зажатый вид, и ее это почему-то слегка раздражало.

— Почему ты здесь? — в ее тоне проскользнуло недовольство от того, что кто-то вторгся на ее личную территорию.

— А? — Чжао Цзянсюэ растерянно уставилась на нее, не сообразив, что ответить. Разве проживание и питание не входили в условия?

— Мм? — Нань Чуцин нахмурилась: иногда ей казалось, что у Чжао Цзянсюэ не все дома.

— Да нет... — Чжао Цзянсюэ заикалась, не зная, как начать, и судорожно теребила руками подол одежды, переминаясь с ноги на ногу.

Она вдруг вспомнила себя во втором классе начальной школы, когда учительница отчитывала ее за то, что нечем было заплатить за учебу: та же тревога, зажатость, полная растерянность и желание заплакать.

— Мм?

— Разве... проживание и питание не предоставляются? — тихонько пролепетала она, и из глаз

брызнули слезы.

Нань Чуцин испугалась до полусмерти. Стоп, с чего это она вдруг ревет? Она же не со зла! Просто... просто прежние управляющие, хоть у них и было жилье и еда, вряд ли кому-то захотелось бы жить с ней под одной крышей. Между людьми все-таки должно сохраняться хоть какое-то личное пространство! Те прежние работники, какими бы уставшими ни были, всегда уходили ночевать в свои съемные квартиры.

К тому же ее дом вовсе не был приспособлен для проживания посторонних. В компании существовали жилищные субсидии и служебное жилье для сотрудников, просто оно находилось далековато от ее виллы. Тогда, заметив чемодан в руках Чжао Цзянсюзэ и ее спешку, она разрешила той временно пожить в той комнате.

Да и к тому же, раз последние дни Чжао Цзянсюзэ не попадалась ей на глаза, она решила, что та тоже уехала домой.

Нань Чуцин вспомнила, как неизвестно какая по счету управляющая перед самым увольнением тыкала ей в лицо пальцем и обзывала проклятой капиталисткой! Слова были очень обидными.

Но Чжао Цзянсюзэ оказалась совсем другой: она не жаловалась на тяжелую работу, а вместо этого заплакала из-за того, что хозяйка поинтересовалась, почему она сидит в ее доме.

Нань Чуцин не хотелось ничего объяснять. Столкнувшись с таким впервые, она слегка растерялась.

Она поднялась с дивана, подошла к Чжао Цзянсюзэ и, глядя, как та украдкой вытирает слёзы, подумала, что та выглядит очень красиво — трогательно и вызывая жалость. Закусив губу и сдержав эмоции, она спокойно произнесла:

— Питание и проживание включены. Ты можешь здесь жить.

Только стихли эти слова, как раздалось отчетливое: «Ур-р... ур-р...»

Лицо Чжао Цзянсюзэ моментально залилось краской. То, что она только что разревелась на ровном месте, было уже достаточным позором, а тут еще и желудок не вовремя подал голос — поднимать голову она теперь боялась пуще прежнего, потому что услышала, как собеседница тихонько хмыкнула со смешком.

— Проголодалась?

Спасите ее! Чжао Цзянсюзэ было уже не до еды — от неловкости ей хотелось провалиться сквозь землю. О боже, почему с ней вечно случается такое?

<http://bllate.org/book/22463/2363259>